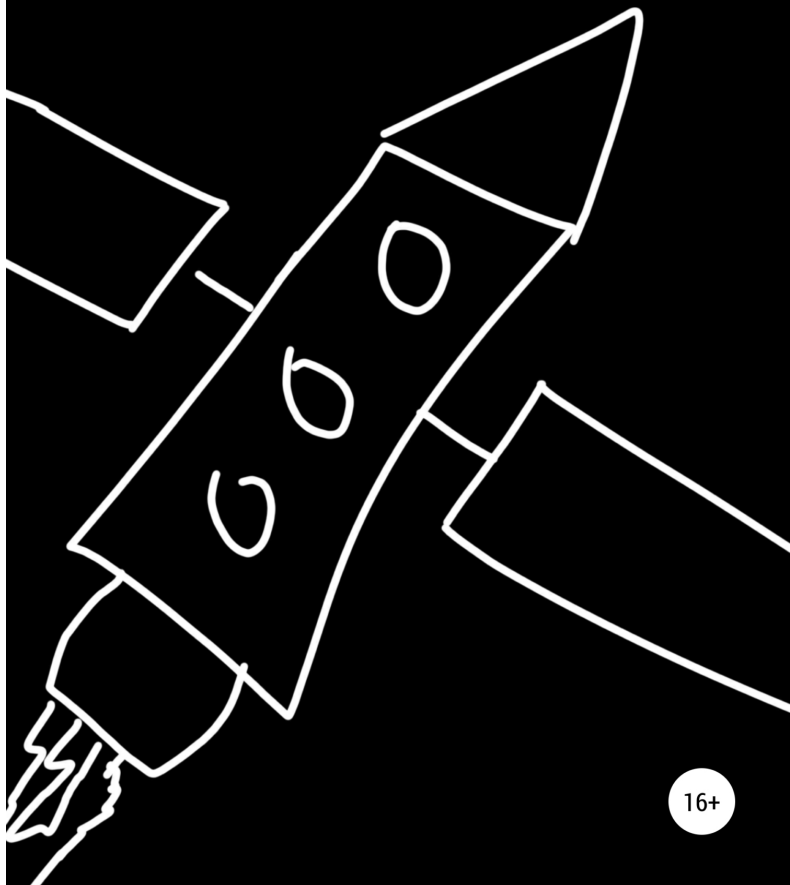

Сергей Чехин
ЮНИОР-1

16+

Сергей Николаевич Чехин

Юниор-1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64149932

SelfPub; 2021

Аннотация

Юниор-1 – российский космический корабль, чья задача доставить первую экспедицию на Марс. Половину пути полет проходит штатно, однако затем случается нечто, способное поставить под угрозу не только успех миссии, но и жизни экипажа.

Сергей Чехин

Юниор-1

«Пять месяцев полета позади. «Юниор-1» в штатном режиме приближается к Марсу. Уже через полгода мы водрузим на нем первый флаг – российский триколор, подытожив мощь и гений нашей державы. Китай стартовал позднее, у американцев опять проблемы с погодой, так что по всем прогнозам гонка за нами. И экипаж сделает все возможное и невозможное, чтобы оправдать оказанное доверие, ибо на кону величие Родины».

В люк каюты тихонько постучали. Командир – крепкий мужчина за сорок – вздрогнул и закрыл судовой журнал. Уже час как пробил отбой – кому пришло в голову беспокоить в такое время? И самое главное – зачем?

– Войдите, – хмуро бросил майор и пригладил черные с проседью усы.

В каюту вплыла Карина Казарина – корабельный врач и по совместительству биолог. При подготовке к экспедиции дрались за каждый грамм, а коль уж знания ничего не весят, то каждого члена экипажа обучили дополнительным специальностям. Пилот спускаемого модуля стал геологом, инженер – связистом, сам же командир совмещал обязанности астрофизика и следил за научной аппаратурой.

Впрочем, чем ближе становился Марс, тем меньше дума-

лось о работе, и тем сильнее одолевали мечты о грядущей славе. А в мыслях вместо красной планеты все чаще мелькала красная ковровая дорожка, и все звезды вселенной сливались в одну – золотую на груди. Юрий Гагарин, Нил Армстронг, Борис Морозов... Да, ради такого стоит рискнуть.

– Что случилось? – он насторожился, заметив бледное лицо и блуждающий взгляд.

Казарина бережно прикрыла за собой люк, точно боясь разбудить спящего младенца, и ухватилась за боковой поручень – корабль двигался с едва заметным ускорением, сносившим марсонавтов в сторону кормы. Небольшое неудобство, но без него никак – строенные ядерные двигатели столь же экономны, сколь и слабы.

– У нас ЧП, – собравшись с духом, прошептала медик.

– Подробнее.

На объяснение ушло всего два слова, после которых серо-стальные глаза округлились, а брови сперва нахмурились, а затем поползли на лоб.

– Ты что, шутишь? – недоумевал Борис, ожидавший услышать о чем угодно – о неполадках с магнитным полем, об утечке водорода, о пробитых радиаторах, да хоть о контакте с пришельцами, но только не об этом. Новость никоим образом не укладывалась в голове, вызывая единственную закономерную реакцию – не верю!

– Никак нет, – на молодежом, несмотря на возраст, лице отразилась смесь растерянности и стыда, столь необычная

для опытного военврача. – Я все проверила. Ошибка исключена.

– Господи... – Морозов провел ладонями по волосам и сцепил пальцы на затылке. – Да как так-то? Мы же лучшие из лучших! Мы гордость, честь и совесть целой страны, а может, и всего мира! Столько отборов, тестов, тренировок – и ради чего? Чтобы облажаться в самый ответственный момент?

– Борь... – Карина поймала мужчину за руку. – Прошу, не кипятись.

Командир смерил подчиненную таким взглядом, будто это она все устроила, и вынырнул в общий коридор.

Виновники «торжества» ждали в кубрике – самом просторном отсеке «Юниора». Размером он с кухню в старой панельке, но по космическим меркам – целый актовый зал. Здесь находились автоматы для подачи сублимированной пищи и горячей воды, здесь же стояла откидная столешница с пазами для посуды. Роль стульев играли скобы на полу – в невесомости нет нужды в удобной мебели, на тело не действуют никакие нагрузки, и спина не затечет от неправильной позы или кривой спинки у кресла. Но в то же время мышцы атрофируются, стремительно теряя в массе и объеме, и почти половину рабочего дня марсонавты занимались физкультурой, чтобы после высадки не ползать по грунту, как тюлени. Штангу, понятное дело, не пожмешь, зато кру-

тить педали и тягать разномастные эспандеры – всегда пожалуйста. Но, судя по всему, кое-кому и этого показалось мало, вот и решили посоревноваться в упражнениях иного толка.

– Ну что, допрыгались? – прогремел Морозов, влетая в отсек.

Инженер и пилот выпрямились, будто вставая в присутствии старшего по званию.

– Борис Федорович, – начал было Титов, но командир и слушать не стал.

– Молчать! Мне ваши оправдания не нужны! – и тут же задал вопрос, требующий непосредственных объяснений: – Да как такое вообще возможно?! Да что ж вы за люди такие? И это – будущие герои России?! Стыдоба! Позорище! Да если об этом хоть кто-нибудь узнает...

– В смысле? – хмуро произнесла Карина из-за спины. – Мы должны немедленно доложить в ЦУП и прервать полет.

– Прервать полет?! – майор заорал так, что по тонким переборкам звякнула дрожь. – Только через мой труп! Лучше прерви беременность этой дуры, пока еще есть время!

Дурой обозвали Аню Михальчук – инженера-связиста и самого молодого члена экипажа, которую взяли в полет за выдающийся ум и математический талант. Но, видит бог, цифры сердцу не указ. Девушка всхлипнула, едва услышав страшные слова, и непроизвольно коснулась живота, хотя плод представлял собой лишь крохотный комочек клеток. Но, как и любая мать, Аня не делила ребенка на стадии и

фазы, загодя считая неотъемлемой частью себя.

– Борис Федорович! – в растерянности выкрикнул Захар, заслонив девушку грудью. – Это же наш сын!

– Во-первых, это еще не ваш сын, – раздраженно парировал начальник. – И даже не дочь. Это – зигота, или как там ее... Во-вторых, наша миссия важнее любых зигот, эмбрионов и даже детей! От нас зависит престиж и статус страны! И я не позволю отдать победу каким-то китайцам или янки только потому, что вы повели себя как безмозглые подростки и не сумели потерпеть пару лет!

– Мы предохранялись, – пискнула Аня, не сводя взгляда со стола.

– Лучший предохранитель – это вот, – Морозов многозначительно постучал костяшками по виску. – Карин, дай ей таблетку – и забудем обо всем этом ужасе. А как вернетесь – так хоть дюжину заделайте. Совет, чтоб вас дважды, да любовь!

– У нас нет таких таблеток, – с прохладцей ответила Казарина. – Никто и не думал, что они понадобятся...

Мужчина хлопнул себя по коленям.

– Смотрю, у нас тут вообще мало кто думает! Либо думает, но не тем местом.

– А для инвазивного вмешательства, – продолжила врач, – нет ни инструментов, ни навыков. Да и не стану я делать... такое.

– И что тогда? Предлагаешь пустить все на самотек?

– Я предлагаю возвращаться! С учетом торможения и разгона справимся месяцев за семь. Плод дозреет и родится на Земле, что куда безопаснее, чем в космосе. Да, мы защищены от радиации, но формирование клеток в невесомости процесс крайне сложный и нестабильный. Если не вернемся – потеряем обоих.

Аня снова всхлипнула, и Захар приобнял подругу за плечи, с надеждой глядя на командира – авось одумается, авось екнет что-нибудь в груди, но – увы. На такие должности не назначают тех, кто сомневается и оспаривает приказы.

– И думать забудь! – Морозов ударил кулаком по столу. – Нет ничего важнее успеха! Ничего и никого! Ребенка вам не бог послал – сами постарались. Вот теперь и расхлебывайте. Любишь медок – люби и холодок!

На следующий день после смены Захар убедился, что посторонних поблизости нет, и подплыл к каюте Анны. Девушка открыла не сразу и тут же отстранилась, не дав себя обнять. Подлетела к крохотному иллюминатору и уставилась на застывшие звезды.

– Гляди, что нашел, – Захар расстегнул темно-синий комбинезон, и из-за пазухи вынырнула плитка шоколада. – Угощайся.

– Спасибо, – связист поежилась и спрятала озябшие ладони под мышками. – Уже раз угостил...

– Ну, извини, – пилот взялся за притороченный к стенке

спальный мешок и завис рядом. – Я же не знал. Ученые вон вообще считают, что забеременеть в невесомости нельзя!

– У меня для них плохие новости.

Титов протяжно фыркнул и потрянул пшеничной шевелюрой.

– Да не дуйся ты, все обойдется.

– Что – все? – Аня всплеснула руками. – Космонавта рожать будем?

– А почему нет? – Захар улыбнулся и провел согнутым пальцем по щеке, но подруга отвернулась и сердито засопела.

– Да потому, что забеременеть в космосе можно, а выносить здорового ребенка – нет! А если что и родится, то какой-нибудь уродец или мутант...

– Откуда ты знаешь? В космосе еще никто не рожал.

– Мыши рожали...

– Мыши – не люди.

– Обезьяны рожали...

– И обезьяны – тоже, хоть и очень похожи. Слушай, давай не накалять раньше срока. Карина – отличный врач, а на борту есть и рентген, и УЗИ, и много чего еще. И мы сразу узнаем, если в тебе растет Чебурашка.

– Да иди ты... – Аня потерла покрасневшие глаза и часто заморгала, сбрасывая с ресниц блестящий бисер. – Все тебе шуточки.

– Это потому, что я верю – мы справимся. И у нас родится здоровый малыш. Просто ходить научится попозже.

– Вера и уверенность – две большие разницы. А теперь уходи, хочу побыть одна.

Перед отлетом в бортовой компьютер загрузили гигабайты самых разных мануалов – на случай, если сдвоенных специальностей окажется недостаточно. Пособий по медицине было больше всего, причем самых подробных – что неудивительно, когда до ближайшей больницы миллионы километров.

В свете монитора строгое лицо Карины напоминало маску из голубого льда. И только бегающий по строчкам взгляд давал понять, что женщина не впала в кататонию. И причина столь сильного напряжения – и умственного, и душевного – очевидна. Как и любой прирожденный врач, Казарина не имела права потерять пациента или навредить ему – как действием, так и бездействием. Но чем глубже погружалась в изучаемый вопрос, тем яснее понимала – ничем хорошим роды в космосе не кончатся.

И хоть на людях подобные эксперименты не проводились, другие млекопитающие здоровым приплодом похвастать не могли. Вне привычной силы тяжести аномалии начинались уже при делении клеток, и по мере развития эмбриона проблемы только множились. Органы, кости, мозг – все росло с отклонениями, и чаще всего завершалось выкидышем на ранних стадиях.

Собрав как можно больше данных, Карина ввела их в ней-

росеть и получила неутешительный прогноз. С вероятностью тридцать семь процентов плод погибнет, и если не избавиться от останков (что само по себе сложнейшая операция), начнется сепсис, и мать тоже умрет. Если же развернуться в ближайшие дни, шанс на успех многократно возрастет, но как убедить в этом командира?

– Надеюсь, это поможет, – Казарина сохранила расчеты в общем файле и переслала на терминал Морозова с пометкой «важно».

В тот момент Борис тоже не спал, но ему было не до формул и цифр. Он медленно вращался посреди каюты, поджав ноги и коснувшись губ кулаком. Глаза остекленели, вены на висках набухли и бешено пульсировали, а мысли кружились, как хлопья снега в метель. По уставу о любой нештатной ситуации следовало незамедлительно доложить в ЦУП, и до сих пор Морозов так и поступал, не смея нарушать инструкции и правила. Но одно дело мелочи вроде косо вставших панелей или засорившегося слива, и совсем другое – такой вот во всех смыслах залет.

А ведь присмотр за экипажем – прямая обязанность командира. И за то, что под его руководством случилось подобное, по головке точно не погладят. И по прилету вполне могут отстранить от службы, а если девчонка погибнет – еще и отдать под трибунал. И вместо почестей и парадов майор получит забвение и несмываемый позор. Причем не только

для себя, но и для всей семьи, где в роду через одного выдающийся военный или политик.

И за что? За то, что пара балбесов не смогла справиться с инстинктом? Неужели Борис и за такими вещами должен следить? Захар и Аня – не беспризорники, не дикари, которым плевать на нормы и приличия, а взрослые и состоявшиеся личности – одной двадцать пять, второму двадцать восемь, должны же хоть немного разбираться в жизни. И вот из-за такой подставы лишиться всего и бросить тень на уважаемых людей, во многом благодаря которым Морозова и выбрали среди полутора тысяч кандидатов? Ну уж нет...

Сирена протяжно ухнула, известив о начале новой смены. Морозов встрепенулся, не сразу осознав, что потратил на гнетущие размышления всю ночь. Но сокрушаться из-за бессонницы некогда, скоро штатный сеанс связи, и майору волей-неволей предстоит держать ответ перед центром. И на пути к станции он тщательнейшим образом обдумывал все, что скажет... и то, о чем умолчит.

Квантовый телепорт занимал целый отсек и в полчаса сжирал накопленный за сутки заряд. Зато связь мгновенная, несмотря на расстояние, пусть и получалось передавать лишь текст. Убедившись, что Михальчук нет на посту, Борис завис перед небольшим черным монитором и включил передатчик.

> Земля, прием. «Юниор-1» на связи.

< Слышим вас, «Юниор-1». Вы сегодня рано. Что-то слу-

чилось?

Командир облизнул пересохшие губы и застучал по клавишам.

> Много работы, решили начать пораньше. Эксперименты, уборка, плановая ТО. В остальном все в полном порядке. Летим по графику.

Сигнал разбудил Карину с первой ноты, столь беспокойным и рваным выдался сон. По пробуждению ее ждали рутинные процедуры: вакуумный унитаз, промоченное особым составом полотенце вместо душа, свежее белье. В тесном замкнутом пространстве гигиена не прихоть, а средство от многих болезней. Но в этот раз женщина спешила и выплыла в кубрик с таким видом, точно занималась на тренажерах всю ночь.

Морозов же, наоборот, был гладко выбрит, прилежно одет и свеж, как огурчик. Он насвистывал бравурную мелодию из старой новостной программы и мазал плавленый сыр на печенье. Еще три ржаных пластинки парили над столом – лакомство готовили из особого теста, чтобы не крошилось и не вредило приборам. Борис печенье очень любил и ел только по важным случаям, тем самым как бы намекая, что вчерашняя проблема решена и можно дальше грезить о мировой славе. Михальчук же на завтрак не пришла, как и Титов. Звать их никто не собирался – трапезничать порознь правила не запрещали.

– Доброе утро, – Карина постаралась выдержать спокойный тон. – Смотрел отчет? Я сбросила на терминал.

– Нет, – с издевкой ответил командир и хрустнул закуской. – А должен?

– Там точные прогнозы. Мы должны возвращаться, иначе Аня может погибнуть.

Майор отрешенно пожал плечами.

– Как и любой из нас. При полете. При посадке. На пути домой. Знаешь, сколько наших погибло за все время? Кто не рискует, тот не идет в космонавты.

– Борь, я все понимаю, – Казарина шумно выдохнула и зажмурилась. – Но как же ребенок? Он-то в отряд не записывался.

– Нет еще никакого ребенка, – в голосе мужчины все четче проступали раздражение и неприязнь. – Есть только зародыш. И неизвестно, что из него в итоге вырастет. И вырастет ли вообще. Вдруг Аня ошиблась? Мало ли от чего бывают задержки. А если через неделю эмбрион погибнет? Ворочать туда-сюда никакого топлива не хватит.

– А если все-таки выживет? – с надеждой произнесла женщина, точно речь шла о собственном младенце. – Но умрет позже, став чем-то большим, чем просто сгусток клеток. Хоть представляешь, что будет, когда мир об этом узнает? Когда по всем газетам затрубят, что русские погубили ребенка ради того, чтобы первыми воткнуть флаг? Нас не простят, Боря. Нас проклянут. И никогда не назовут героями.

– Вот поэтому, – Морозов вперил в собеседницу уничтожающий взгляд, – мы сделаем все, чтобы сохранить эту маленькую тайну. И не позволим единственному недоразумению разрушить наши жизни и пошатнуть престиж России.

– Да что ты заладил с этим престижем?! – Казарина и сама стала закипать от непрошибаемой бесчувственности начальника. – Ну, проиграли мы Луну – и что, все умерли?

– Смотря как посудить. Той страны, что билась с янки за спутник, вскоре не стало. Может, это просто совпадение, – Морозов большим пальцем подбросил печенье к потолку, точно монетку. – А может, нет. Лично я проверять не хочу. И не собираюсь войти в учебники как трус и паникер, опозоривший Родину из-за какой-то зиготы! Поэтому настоятельно советую не рубить сгоряча. Пройдет неделька-другая – и там видно будет, стоит ли беспокоиться, или же проблема высосана из пальца.

Позавтракав в гордом одиночестве, майор направился в командный отсек – помещение в половину кубрика с массивным выгнутым дугой пультом перед обзорными иллюминаторами. Сразу за ними находился шлюз, ведущий в похожий на грушу спускаемый модуль. Низ «груши» занимал иссиня-черный керамический экран – защита от перегрева в плотных слоях. А верх – стыковочный порт с кольцами парашютов, крайне полезных в разреженной, но все же атмосфере Марса.

Из отсека предстояло следить как за посадкой, так и за последующим взлетом, поэтому здесь находилось одно из немногих кресел, чтобы оператор случайно не отлетел от приборной панели в самый ответственный момент. Комбинезон крепился к сиденью банальными липучками, надежно фиксируя марсонавта и в то же время позволяя встать при первой необходимости.

Морозов это кресло очень любил, хотя до выхода корабля на орбиту в нем не было никакого смысла. И все же оно давало почувствовать себя если не царем на троне, то, по крайней мере, высоким начальником. И прежде чем включить микрофон внутренней связи, Борис поудобнее уселся, потянулся и хрустнул пальцами.

– Аня, загляни в пультовую. Есть разговор.

Михальчук явилась почти сразу. Во всем, что не касалось неприятных сюрпризов, к ней не придраться. Спокойная, точная, исполнительная – прямая противоположность лихому и непомерно смелому Титову. Девушка-пай, рядом жиган и хулиган... Да уж, стоило догадаться об этой парочке пораньше. Прозорливость – незаменимая черта вожака.

– Звали, Борис Федорович? – робко пролепетала инженер, зависнув у люка.

– Звал, звал, – Морозов выдавил кривую улыбку. – Да не трясись так, ругать не буду. И за прошлый раз извини – не стоило тогда орать. Но сама понимаешь, такие новости...

– Простите, – она отвела взгляд и заправила за ухо корот-

кий медно-рыжий локон.

– Я вот о чем хочу спросить, – майор выдержал паузу, при-
сматриваясь к подчиненной, как следователь – к преступни-
ку. – Хотя это и личное, но я должен знать обо всем, что про-
исходит на борту. Во избежание всяких... эксцессов. Пони-
маешь?

– Д-да, Борис Федорович, – если бы Аня могла, то прова-
лилась бы сквозь пол прямо в вакуум.

– Отлично, – мужчина снова помолчал, наслаждаясь без-
раздельной властью и чужим страхом. – Тогда скажи, как
давно у вас все началось?

– Еще в центре подготовки, – на скулах выступили алые
пятнышки не больше ногтя размером – краснеть в невесо-
мости не так-то просто из-за оттока крови. – Мы встречаемся
около года. Разумеется, тайком.

– Ведь если бы об отношениях узнали, то не взяли бы вас
в полет, – Борис ухмыльнулся, про себя радуясь тому, как
легко удалось раскусить девчонку.

– Да.

– И как, в этот раз все серьезно? – в голосе скользнула едва
скрываемая ирония. – Или ты – очередная подружка нашего
бравого летуна?

– Нет! – Михальчук вскинула голову. – Мы любим друг
друга! И поженимся сразу, как вернемся.

– Что же, – мужчина с недоверием хмыкнул. – Тогда могу
лишь порадоваться за Титова. Наконец-то он остепенился и

взялся за ум, а то совсем пропал бы пареньь.

– Вы это о чем? – несмотря на старания, инженер не со-
владила с тревожным любопытством.

– А он тебе не рассказывал? Ну да, таким обычно перед
мужиками хвастают... В общем, Захар такой же первокласс-
ный пилот, как и бабник. Ни одной юбки раньше не пропус-
кал. И порой влипал в серьезные неприятности из-за слиш-
ком частых и не слишком разборчивых романов. Его чуть не
отстранили – причем дважды, но тогда все нюансы удалось
замять. Хорошо, что теперь эта морока в прошлом.

– Я... – Михальчук окончательно растерялась, – ни о чем
таким не слышала.

– Потому что ты – единственный гражданский спец на
борту. И поступила в центр прямиком из аспирантуры МГУ.
Мы же из немного других буковок – ВКС, а служилый люд
все о своих знает... Да ты не бери в голову, – он махнул рукой
и откинулся на спинку. – Кто по молодости не чудил? Себя
вспоминаю – уши от стыда горят! Просто хотел убедиться,
что Захар не охмурил тебя, чтобы потом бросить, как преж-
них пассий. А раз все добровольно и честно, то и вопросов
больше нет. Удачной вахты.

– Да как ты можешь ему верить? – гудело из-за перебор-
ки. – Он сказал это, чтобы нас рассорить!

– Значит, майор врет? – Аня в одночасье превратилась
если не в разъяренную львицу, то в разъяренного котенка, а

эти зверьки тоже могут доставить немало хлопот.

– Ну...

– Что – ну? Врет или нет?!

– Зай, да то когда было! Кто по молодости не чудил?

Девушка приготовилась выстрелить новой порцией обвинений, но осеклась на полуслове. И лишь тогда услышала стук в переборку.

– Эй, голубки! – прикрикнула Казарина. – Потихе можно? Ночь на дворе!

Спутники извинились и замолкли, но отдохнуть Карине так и не удалось. Стоило влезть в мешок (а без ощущения спиной чего-то твердого спать в невесомости весьма некомфортно), как вместо долгожданного сна пришло полузабытое и старательно утрамбованное на дно разума воспоминание. Иногда Карине казалось, что мозг запоминает вообще все подряд, но большую часть не использует за ненужностью. Либо старательно прячет то, что вызовет слишком сильную боль. Но стоит хоть как-то всколыхнуть этот тайник, хоть чем-нибудь задеть – звуком, словом, запахом – и все вылетит наружу, точно снаряд из пушки.

– Очнись, тебе всего восемнадцать! – прозвучал как наяву голос матери. – Какая семья, какие дети?

– Сперва получи образование, – поддакнул отец. – Мы хотим, чтобы ты пошла по нашим стопам. А с такой обузой точно ничего не добьешься.

– Но это мой ребенок! – в слезах выкрикнула конопатая

девчонка с мягким нежным личиком – полной противоположностью высеченной изо льда маски.

– Ребенок – это якорь. Сначала не даст сдвинуться с места, а затем утянет на дно.

– К тому же, с точки зрения медицины, это еще просто сгусток клеток.

– Вот-вот. Потом нового сделаете – и по уму, а не абы как. Сейчас в ранних родах нет никакой нужды. А бесплодие от аборта – миф. Не вешалкой же его выковыривать будут, выпьешь таблетку – и все пройдет.

– И чтобы этого подонка я больше не видел.

– Но мы любим друг друга! И хотим пожениться!

– Ты совсем с ума сошла?! Сначала выбейся в люди, встань на ноги, а уж потом думай о детях. Я тебя в тридцать родила – и ничего страшного.

– Но...

Ссора продолжилась бы и дальше, но тут отсек озарила красная аварийная лампа, а по ушам ударил пронзительный визг сирены. Причину тревоги долго искать не пришлось – достаточно взглянуть на дисплей терминала, куда дублировались все системные сообщения. И первое, что увидела медик – мерцающий значок радиационной угрозы. Неужели движок пробило? Но тогда доза была бы куда выше, а тут фон как в среднем по космосу. Но датчики уловили бы его лишь в одном случае...

– Поле! – выдохнула Карина и со всех ног (а точнее, рук)

бросилась в командный отсек.

Там уже собрался весь экипаж: Морозов молотил по клавишам, Михальчук просматривала логи, а Титов уставился в боковой иллюминатор, словно пытаясь засечь неведомого агрессора.

– Генератор накрылся! – доложила женщина.

– Все гораздо хуже, – процедил Борис сквозь стиснутые зубы. – Это разрыв контура.

– Вот же засада, – пилот тряхнул головой. – Столько летели – и на тебе.

– Вариантов поломки масса. Придется выходить и проверять обмотку. Аня – готовься. Захар – страхуешь.

– Почему она? – удивилась Казарина. – Работа займет несколько часов, а ей нельзя облучаться. Корпус дает хоть какую-то защиту, а скафандр – что решето.

– Во-первых, – Морозов скрестил руки на груди, – Михальчук – инженер, и ремонт – ее прямая обязанность. Во-вторых, она лучше всех разбирается в аппаратуре и закончит гораздо быстрее любого из нас. Так что возражения не принимаются.

– Я справлюсь, – девушка приосанилась и вскинула подбородок, хотя глаза выдавали запредельное волнение.

– И не сомневаюсь, – Борис повернулся к дисплею. – Приступайте.

Скафандры шились из нанопласта – легкого и очень прочного материала, и не имели ничего общего с громоздкими

костюмами прошлого, больше напоминая снаряжение для глубоководного дайвинга – утолщенные серебристые комбинезоны с компактными ранцами. В них помимо запаса кислорода хранились аккумуляторы, вода и сжатый воздух для маневровых двигателей. Фалы уже давно не применялись, но в случае нужды из наруча на левом предплечье выстреливала кошка с магнитным якорем и притягивала космонавта к кораблю.

Карина дала обоим таблетки, снижающие уровень азота в крови. Препараты позволяли сократить время подготовки до двух часов, но одним дыханием дело не ограничивалось – также проверялись датчики, инструменты и герметичность.

– И все же странно, – Захар расправил плечи, подгоняя эластичный материал по фигуре. – Шли как по маслу, а тут началось ни с того ни с сего...

– Может, это просто совпадение, – ответила Казарина и мысленно добавила: «а может, нет».

Просмотрев биометрию, врач дала добро на выход. Закрыв люк кормового шлюза, потянула рычаг, и из крошечных отверстий наружу ударили струйки замерзающего воздуха. Даже с новейшими технологиями на стравливание давления ушел еще час, прежде чем Титов открыл люк и первым вынырнул наружу. Покружился на месте, проверяя мощность струй, и протянул подруге руку, но Аня не обратила на жест ни толики внимания.

– «Юниор-1», вышли успешно, – проворчала инженер. –

Начинаем поиск.

Казарина не считала себя суеверной, но все же скрестила пальцы наудачу.

Ремонтники отлетели на такое расстояние, чтобы видеть корабль целиком. «Юниор» представлял собой белое веретено с грушевидным навершием и широченными крыльями солнечных панелей. Строили его прямо на орбите, что позволило избежать состыковки из нескольких модулей и тем самым значительно укрепить конструкцию. Рядом с двигательным отсеком, окруженным бусами водородных баков, выступали прямоугольные радиаторы, похожие на рули высоты. Сразу за ними начиналась обмотка из толстой золотой трубки, придающая кораблю сходства с катушкой индуктивности. Спираль шла широкими витками от кормы до носа, дважды огибая стыковочные порты. Весила эта штука без малого тонну, однако без нее лететь на Марс отважились бы только смертники. И экипаж вполне может ими стать, если не устранить поломку.

– Какой же он все-таки огромный, – присвистнул Титов. – Что подводная лодка. А внутри кувыркнуться негде.

– Тебе лишь бы кувыркаться, – буркнула Михальчук.

– Ань, ну перестань. Мало ли, что было раньше? Кроме тебя я вообще ни на кого не смотрю.

– Потом поговорим. Начни с носа, а я займусь кормой.

– Думаешь, стоит разделяться?

– Между нами пятьдесят метров. Успеешь помочь, если

что, а иначе всю смену провозимся.

– Как прикажешь, шеф, – пилот отдал честь у полетел к «груше».

Дважды осмотрев корпус, инженер не заметила издали повреждений и подлетела вплотную. Включив нагрудный фонарь, принялась обследовать обмотку виток за витком, выискивая всевозможные изъяны – от пробоев до микротрещин. И хотя в спираль заложена температурная деформация корпуса и вибрации, все и сразу предусмотреть невозможно, и от форс-мажоров не застрахован никто. В том числе вроде бы умная и рассудительная девушка, с радостью упавшая в объятия повесы, бабника и разгильдяя. И не просто втюрилась, но вдобавок понесла... Это ж надо было умудриться.

– Ань, у тебя пульс шалит, – раздался в шлемофоне голос Казариной. – Все в порядке?

– Да, – отмахнулась Михальчук. – Волнуюсь немного.

– Не бойся, – неумело подбодрил Захар. – Я рядом.

– Иногда мне кажется, что именно этого я и боюсь.

– Так, – Морозов постучал по приемнику. – Разговорчики... Фарш обратно не провернешь, но извольте соблюдать хоть какие-то рамки.

– Извините, Борис Федорович, – выдохнула инженер и тут же звонко крикнула: – Есть! Нашла!

– Что там? – насторожился мужчина.

– Трубка прогорела. Скорее всего, из-за скачка напряжения. Поставлю заплатку – и готово.

Анна вытащила из-за спины сварочный лазер и приложила к отверстию тонкий золотой лист размером не больше тетрадного – как раз одного хватит. На первый взгляд ничего сложного, но подвох в том, что эффективная дальность луча всего восемь миллиметров, что вынуждало работать с филигранной точностью. И хотя новые скафандры куда удобнее и подвижнее, ювелирные изыски в перчатках – то еще удовольствие. Особенно когда вместо точечного шва перед глазами всплывают амурные похождения Титова. А ведь и правда – что такой красавец нашел в серой мышке? Может быть, причина в том, что к Казариной подкатывать без толку, а иных вариантов нет? И сразу по прилету он вернется к своим крашеным кралям, бросив тихоню с ребенком? Ну, или с тем, что из нее выйдет... Захар был бешено популярен и до полета, а она – замухрышка с уродцем на руках. И о чем только думала, когда повелась на ухаживания, как голодная дворняга – на сосиску?

– Ань, у тебя такая биометрия, словно не спираль варишь, а дерешься с заклятым врагом. Может, передохнешь? Времени еще полно.

– Да все нормально! Не мешайте!

Девушка от злости усилила нажим, и фокусирующий наконечник коснулся металла. В тот же миг позади Михальчук вспухло белое облако, а ее саму впечатало в корпус с такой силой, что на обшивке осталась вмятина. И мало этого, так еще один за другим сработали сопла реактивного ранца, и

бедолага сначала завертелась колесом, снова врезалась в корабль, а затем унеслась в непроглядную даль.

– Аня! – разом крикнули Карина и Захар. – Аня, ответь!

Но в ответ слышалось лишь хриплое слабеющее дыхание.

– Я на перехват! – Титов протянул к подруге руки, управляя ранцем с помощью перчаток.

Но это устройство – для небольших маневров, а не для гонок, и на сжатом воздухе рекорда не поставишь. И все же ребята стремительно приближались к своеобразному горизонту событий – черте, за которой возвращение своими силами исключено.

– Захар, запаса смеси на сорок секунд, – прорычал Морозов. – Назад, живо.

– Нет, – твердо и без колебаний ответил парень. – Успею.

– Это приказ! Я не могу потерять и пилота!

– Я ее не брошу!

– Захар!

– Конец связи!

Марсонавты превратились в две белые точки, едва различимые среди звезд. Карина обхватила голову, тщетно пытаясь утихомирить вихрь гнетущих мыслей. Как им помочь? Как их спасти? Что делать дальше?

– Зараза... – проворчал Титов. – Почти достал. Тут метров двадцать, не больше.

Озарение пришло столь внезапно, что у медика екнуло сердце.

– Кошка! – заорала, чуть не задев микрофон губами. – Используй кошку!

– Черт... и как я сам не догадался...

– Осторожнее, там всего три заряда.

– Хватит и одного, – он нервно усмехнулся. – В стрельбе мне нет равных.

Захар опустил левое запястье, направив наруч на медленно кружащую подругу. Но никто и не предполагал, что магнитным гарпуном придется стрелять в людей, вот и не снабдил устройство хоть каким-нибудь прицелом. А попасть в огромную станцию и миниатюрную фигурку – мягко говоря, не одно и то же. Парень как мог навелся и нажал на пусковую кнопку. Рельсотрон выбросил черную пластинку на тончайшем, но очень крепком тросике. И хоть внешний слой скафандра изолирован, внутри его пронзают провода системы обогрева, и достаточно попасть в любое место, чтобы надежно закрепиться. Но по закону подлости захват проплыл в метре от подруги, и как Захар ни водил плечом, так и не сумел подсесть добычу.

– Елки...

– Не нервничай, – холодно произнесла Казарина, не сводя глаз с биомонитора.

– Легко сказать.

– А сделать придется, иначе с таким пульсом ты себе по ноге промажешь. Скорости почти сравнялись. Успокойся, сосредоточься и пробуй еще – попыток хватает.

Титов глубоко вдохнул и не дышал с полминуты, пока лебедка втягивала трос. Первый из трех диодов на крышке погас – и лучше уж подождать и справиться со второго заряда, чем уповать на судьбу или случай.

Собрался – прицелился – пуск!

Магнит пошел точно в цель, и пилот на радостях едва не вскинул руки, тем самым сбив бы снаряд с победной траектории. Вот она – удача! Дело, считай, сделано – теперь Аня никуда не денется. Осталось прикинуть, как вернуться...

Пластина ударила в забрало шлема – единственную лишнюю металла деталь. Да, там есть зеркальное напыление, но оно слишком мало, чтобы удержать гарпун. Девушка отшатнулась, как от мощного удара, а кошка зависла посреди пустоты.

– Черт! – выкрикнул пилот.

– Захар! – Карина попыталась воззвать к разуму, но марсонавта обуяла паника.

– Чтоб вас всех... Долетался, вашу мать...

– Тихо! – врач повысила голос, и тот лязгнул сталью не хуже, чем у командира. – Держи себя в руках, лейтенант! У тебя осталась последняя попытка. Используй ее с умом, если Аня в самом деле что-то значит!

Титов часто задышал, но сердцебиение пошло на спад.

– Да, вы правы... Простите, я сейчас...

– Не бойся, не торопись, не напрягайся. Нас учили стрелять кошкой множество раз – и на земле, и на орбите. Пред-

ставь, что сейчас очередная тренировка.

– Такое себе сравнение, – пульс вновь скакнул.

– Верь мне, я – доктор, – Казарина судорожно сглотнула и зажмурилась, коснувшись разгоряченным лбом тонкой преграды, отделяющей жизнь от смерти. – У нас все получится. Мы все вернемся домой. Главное – не поддаваться страху.

– Ладно, – дыхание наконец-то пришло в норму. – Попробуем... Как на тренировке. Ни о чем не думаю, ни о ком не волнуюсь: навелся – выстрелил.

Гарпун попал в живот и намертво прилип к проводке.

– Поймал! – завопил пилот. – Лети сюда, родимая!

– Побереги мотор, – бросила напоследок Карина, но Захар ее уже не слушал. Он притянул девушку и сжал в крепких объятиях.

– Котенок мой... – услышав, как здоровенный матерый мужик всхлипнул, врач чуть сама не пустила слезу, но предаваться чувствам слишком рано – пройдена лишь половина пути.

Титов тем временем отвернул подругу от солнца, чтобы не повредить сетчатку, и поднял защитное забрало. Шлем наполняли шарики крови, бурые потеки украшали нос и рот.

– Как она? – с тревогой спросил пилот.

– Жива, но без сознания, – Казарина в который раз проверила биометрию. – Давайте назад, да поскорее.

– Вот тут дважды просить не придется.

Захар взял девушку под локоть, сориентировался на ко-

рабль и включил ранец. Струи отработали десять с половиной секунд, после чего иссякли.

– Воздух... – произнес Титов столь обреченно, словно кислород закончился и в скафандрах. – Не долетим...

– Боря! – гаркнула женщина. – Меняй курс, надо их подбрать! Борис!

Морозов молчал.

– Да куда ты подевался? Ответь, прием!

– К нам что-то движется, – раздался ошеломленный шепот парня.

– Чего-чего? – Карина прильнула к иллюминатору. – Ты уверен?

– Как никогда раньше. Белый диск. Небольшой, но быстро растет. У меня пот в глазах, но очертания выглядят знакомо. Кажется, это...

– «Пионер»... – медик едва договорила из-за подступившего к горлу кома. – Господи...

К марсонавтам приближался посадочный модуль, подгоняемый огнем бортовых дюз. Аппарат снабдили всем необходимым для маневров в космосе – как-никак, ему еще на орбите стыковаться. И командир не жалел топлива, спеша на выручку ребятам.

– Цепляйтесь, – Борис постарался не выдать волнения. – Оттащу вас к «Юниору», а дальше сами. Меня хоть и учили рулить этой штуковиной, но только на тренажерах.

Захар заменил свою батарею Аниной и с первого раза по-

пал в модуль. И час спустя спасенные уже ждали в шлюзовой камере, а Карина, дабы не потерять ни минуты драгоценного времени, готовила лазарет. Как только давление выровнялось, с пострадавшей сняли все лишнее и отнесли на койку. Закрепив тело ремнями, Казарина тут же приступила к осмотру.

– Ну, что там? – не выдержал Титов – бледный, как перед первым полетом.

– Не мешай, – Борис взял за плечо и оттянул к выходу.

В могильной тишине писк кардиографа бил по ушам кувалдой, но звук был приятнее любой музыки, потому что креп и нарастал с каждым ударом.

– Сотрясение средней тяжести, – врач проверила зрачки на свет. – Незначительные травмы внутренних органов, трещина в ребре. Ничего страшного, скоро поправится. Что ни говори, скафандры у нас делают на совесть. Броня, а не костюмы.

Пилот запрокинул голову и с облегчением выдохнул, однако майор не спешил разделять всеобщее спокойствие.

– Хорошо, что все закончилось благополучно, но радоваться еще рано. Надо выяснить, из-за чего это случилось.

Первый же осмотр оборудования выявил следы поражения электрическим током. Больше всего досталось лазеру – его расплавил от сопла до рукоятки. По кабелю зажигания разряд попал в газовый баллон, а взрыв в свою очередь повредил ранец. Все понятно, кроме одного – кто и почему не

выключил генератор после прорыва спирали?

– Это такая халатность, – Морозов поднес развороченный баллон к лицу и хмыкнул, – что от саботажа и не отличишь.

– Нужно доложить в ЦУП, – медик наклеила пластырь на ранку от укола, после чего пристально посмотрела на майора. – Обо всем.

– Карина... – мягко, почти с мольбой произнес Борис.

– Что – Карина? – женщина не отвела гневного взгляда. – Все шло штатно, пока ты не узнал о беременности. А вскоре после этого невесть с чего сломался генератор. Надо ли говорить, сколь губительна для зародыша радиация? Потом ты отправляешь Аню чинить поломку, хотя с лазерной сваркой справится любой из нас. И что в итоге? Бедняга едва не погибла! Нет человека – нет проблемы, да, Борь?

– То есть, – он нахмурился, не веря ушам, – это я все подстроил? А затем резко передумал и полетел спасать?

– Ты спасал пилота. Сажать «Пионер» в сто раз сложнее, чем летать на нем в космосе, – обличающий перст уткнулся мужчине в грудь. – И мотив есть только у тебя. Больше никто не хочет, чтобы ребенок умер.

– Да ты с ума сошла! – стушевавшийся было командир перешел в наступление.

– Пусть на Земле решают. Я отправлю отчет, как только закончу с Михальчук. И в подробностях расскажу обо всем, что здесь происходит.

Казарина провела остаток смены, запершись в лазарете. Имела полное право – все же не отдыхала, а занималась пациенткой. И чем ближе надвигался отбой, тем меньше хотелось оставлять Аню одну. Закрывайся не закрывайся, а у командира есть доступ ко всем отсекам. Что тут говорить, если при первом же стуке в люк доктор вздрогнула и машинально схватила скальпель.

– Это Захар, – послышался напряженный голос. – Можно?

Женщина коснулась сканера большим пальцем, и как только Титов влетел в помещение, тотчас захлопнула створку. И нервозная поспешность не утаилась от зорких глаз пилота.

– Я бы хотел поговорить... обо всем этом, – парень завис у стенки, чтобы невзначай ничего не задеть – хватит с него аварий. – Думаете, Морозов правда хочет ее убить?

– Я уже не знаю, что думать, – Карина шумно выдохнула и потеряла опухшее лицо. – Но в одном уверена на все сто – ничем хорошим полет не закончится. У Бориса в запасе полгода и уйма способов, как решить вопрос. Поэтому и хочу попросить ЦУП прервать задание как можно скорее.

– А если они не послушают? Если там через одного такие морозовы?

В ответ врач лишь пожала плечами.

– А что еще делать? Устроить бунт и вручить капитану черную метку?

– Да уж, ситуация... – Захар в задумчивости почесал за-

ТЫЛОК.

Вскоре после этих слов щелкнул динамик на потолке:

– Карина, загляни в пультовую. Срочно.

– Начинается... – проворчал пилот.

– Жди здесь. И запрись на всякий случай. Скорее всего, придется дежурить в лазарете, пока Аня не поправится.

– Все настолько серьезно?

– Нет, – женщина обернулась и смерила марсонавта хмурым взглядом. – Все гораздо хуже.

– Так, давай еще раз, – с порога начал Борис, сжав подлокотники до хруста костяшек. – Это не стресс, не страх, не гормоны, а твое взвешенное и обдуманное мнение? Что я – убийца и хочу избавиться от Ани?

– Я не сыщик, – равнодушно парировала Казарина, – но улики говорят сами за себя.

– Какие улики? – никогда прежде медик не видела командира в таком смятении, приправленном с виду искренними горечью и обидой. Но прижатые к стенке и не на такое способны, особенно когда рыльце в пушку.

– Косвенные, – тем же тоном прозвучало в ответ.

– Да как ты не поймешь, что если кто-нибудь не то что погибнет, а покалечится в полете, это уже бросит тень и на меня, и на миссию в целом! Да я с вас пылинки сдувать должен – что и делал все это время. Беременность – вопрос другой, но если что-нибудь случится с экипажем, ЦУП вот так, – он

щелкнул пальцами, – может все завернуть. Потому что конкурентам только повод дай очернить нашу страну, выставить варварами и тиранами, готовыми идти по головам и жертвовать людьми ради цели. Да все должно пройти без сучка и задоринки, чтобы придраться было не к чему. И мне, и начальству нужна чистая победа безо всяких «но» и «если»! И ты считаешь, что я пойду на такое? Вот спасибо – порадовала от души!

– Повторяю еще раз, – Казарина пропустила жаркую тираду мимо сердца. – Я дам показания в полном объеме, а там уж пусть решают, кто прав, кто виноват.

– Карина... – Морозов устало откинулся на спинку и коснулся виска. – Прошу – не руби сгоряча. Не ставь крест на всех нас. Не подставляй Родину под удар.

– Я врач, а не политик, – спокойно произнесла она. – Мой долг – спасать жизни, а не тешить чувство собственной важности гонками и рекордами. И двум жизням уже грозит смертельная опасность. А может, и не только им.

– Двум? – собеседник приподнял бровь. – Одна, допустим, Михальчук. А вторая?

– Ее ребенок.

– Да нет еще никакого ребенка! – мужчина подался вперед и ударил кулаками по коленям. – И не факт, что будет! Ты что, решила подвести нас под монастырь из-за комочка клеток?

– Мы все когда-то были комочками клеток.

– Пусть даже так... – Борис вдохнул поглубже, приводя нервы в порядок. – Но с чего ты взяла, что ее... или их пытались убить? Поломки случаются, без проблем ни один запуск не обходится. А вот полгода без аварий – это уже сущее чудо, это как раз ненормально. Давай подождем, еще раз все перепроверим, выясним, кто оставил генератор включенным перед ремонтом... Остынь, соберись с мыслями и дай нам хотя бы пару дней. Пострадаю ведь не только я, но и ребята тоже!

– В этом ты прав, – внезапно согласилась медик. – Расследование может подождать. В отличие от Ани. Она и так нахваталась радиации.

– Для взрослого это пустяк.

– А для эмбриона – нет. Я могу не упоминать ни аварию, ни преступное разгильдяйство, но сообщить о плоде обязана. И сообщу, пока какая-нибудь беда не приключилась уже со мной – разумеется, по чистому совпадению.

– Карина!

Женщина покинула пультовую, полнясь решимости завершить начатое. Влетев в отсек связи, включила передатчик, прокручивая в голове все, что следовало сказать. Но вместо привычной строки ввода увидела надпись посреди экрана:

Нет соединения. Отсутствует бета-квант.

– Это что еще за новости...

Она три раза перезапускала станцию, но надпись не исчезла. Не помогли ни стук по корпусу, ни многократное нажатие клавиши enter. Устройство наотрез отказывалось работать, и лишь один человек на борту мог если не решить, то хотя бы разъяснить проблему. Понимая, что ситуация обостряется, Казарина вернулась в лазарет с твердым намерением разбудить инженера, даже если придется вводить бодрящие препараты. Уж лучше чуть-чуть навредить здоровью, чем окончательно обречь на гибель.

– Ну, как все прошло? – спросил пилот, грея ослабшую руку подруги в ладонях.

– Угадай, – проворчала Карина.

– Да что тут гадать... Командир жить без разносов не может.

– Не знаешь, что такое бета-квант? – врач не надеялась на ответ – просто сменила тему, чтобы поменьше слышать о майоре.

– Знаю, – к удивлению ответил парень. – Аня часто рассказывала про эту свою квантовую телепортацию, но я так ни черта и не понял. Вроде как есть две частицы, которые неразрывно связаны и будут взаимодействовать даже на разных краях галактики. И если одна крутится влево, значит вторая наоборот – вправо. И вращая эти штуки особым образом, можно как бы наводить их на нужные буквы и мгновенно передавать сообщения на любое расстояние. Магия какая-то,

если честно. А что случилось?

– Скоро узнаешь. Пошли.

– Где он? – с порога спросила врач.

– Кто? – Борис отвлекся от пульта и в недоумении уставился на гостью.

– Бета-квант. Ты что, решил сломать еще и станцию, чтобы я не смогла доложить в ЦУП?

– Ты издеваешься? Теперь будешь винить меня вообще во всем?

– Где этот чертов квант? – по слогам прорычала Карина.

– А я тут при чем?! Эту штуку нужно постоянно обслуживать. Скорее всего, Аня просто поставила ее на подзарядку. Или на диагностику. Или на калибровку синхронности. Господи, у тебя скоро крыша съедет!

– О себе беспокойся. Захар, слова об устройстве – правда?

– Похоже, – пилот виновато взглянул на Морозова, будто только что предал командира. – Аня вечно носилась с ним, как курица с яйцом.

– Видишь? – майор развел руками. – У тебя психоз начинается. Или паранойя. Выпись хорошенько, выпей валерьянки, иначе и не такое мерещиться начнет. Уверен, завтра Михальчук очнется и найдет этот проклятый кубик. А до тех пор – разойтись!

Казарина просидела в лазарете до середины «ночи»

и ушла в каюту, лишь когда заклевала носом от усталости. Титов дежурил в отсеке с отбоя, но врач все равно следила за пострадавшей, покуда хватило сил. Забравшись в спальник, Карина в который раз проговорила про себя отчет, стараясь загодя упростить и сократить без потери смысла. Время нынче слишком ценный ресурс, чтобы тратить на пространные размышления и прочую воду. И уже на самой грани сна медик дернулась, точно ужаленная, и прошептала в темноту:

– Кубик.

Дрему как ледяным душем смыло. Борис назвал квант «проклятым кубиком», и женщина поначалу не придавала этому особого смысла. Но откуда командир знал, как именно выглядит эта штука? Почему именно куб, а не пластина, шар или, скажем, тороид? Элементарная частица столь мала, что без труда поместится куда угодно, хоть на острие булавки. Но он сказал конкретно – кубик. Можно ли назвать это неоспоримым доказательством того, что именно Морозов сломал станцию? Нет. Его наверняка учили основам квантовой связи, майор в этом плане универсальный солдат. Так же он мог видеть, как квант достает Михальчук – например, для очередной проверки. А может, самый простой ответ окажется самым верным. Есть только один способ узнать наверняка – разбудить Аню и спросить, куда подевалась чертова деталь, ведь без нее задумка не сдвинется с мертвой точки.

Выбравшись из мешка, Карина подплыла к люку и дернула за рычаг, но тот не шелохнулся. Потянула еще раз, силь-

нее – без толку. Кто-то запер ее в собственной каюте, и вот тут гадать не пришлось – право на подобные действия было только у старшего по званию. Вне себя от ярости женщина выбрала на дисплее интеркома отсек Морозова и, едва дождавшись ответа, заорала:

– И как это понимать?! Быстро выпусти меня!

– Карин, ты переутомилась, – хрипло произнес Борис. – Не нужно быть доктором, чтобы это понять. Пять месяцев в открытом космосе – то еще испытание, а тут эта беременность и сломанный генератор... Тебе нужно отдохнуть, понимаешь? – тон из менторского превратился в отцовский, чуть ли не любящий. – Иначе ты погубишь нас всех. Поэтому я изолировал тебя до лучшей поры. Не хочу, чтобы истерики, поклепы и больные фантазии дурно влияли на экипаж.

– Да ты совсем ошалел? – зашипела пленница. – Ты хоть понимаешь, что тебя ждет?

– Слава, богатство и признание, – мужчина усмехнулся. – И никакие сумасшедшие не вычеркнут мое имя из истории.

– Это я-то сумасшедшая? – Казарина задохнулась от ярости. – Это мои фантазии больные? Да это ты свихнулся со своими мечтами! Очнись – ты не герой! Герои не жертвуют жизнями ради собственной выгоды. Ты эгоист и психопат. И я остановлю тебя, чем бы это не стоило, – ладонь ударила в переборку. – Слышишь? Любой ценой!

– Удачи, – с издевкой бросил майор и выключил интерком.

– Спасибо, – врач выбрала каюту Титова. – Она мне край как понадобится.

За завтраком Захар первым делом спросил у командира, где Карина.

– Ей нездоровится, – без промедлений ответил Морозов, но печенье в побелевших пальцах лопнуло и разлетелось в стороны тремя крупным кусками. – Сказала, возьмет выходной.

Титов кивнул.

– Надеюсь, скоро поправится. Без врача сейчас никак.

– Отдых пойдет на пользу нам всем. Уставший врач – опасный врач.

– И не поспоришь. Тогда пойду, погоняю тренажер.

И пилот взаправду провел три посадки на виртуальном симуляторе, прежде чем тайком пробрался в лазарет. Рецепт, который выдала ему ночью Казарина, Захар вывел маркером на предплечье, чтобы не ошибиться в дозировках ни на миллилитр. Раствор состоял из трех укрепляющих препаратов, и раз Борис запер медика в каюте, придется заняться подругой самому.

– Вроде ничего сложного, – Титов постучал по шприцу. – Укола хватит на сутки. И целую смену я сам по себе.

Он ввел состав в вену и собрался уже продолжить подготовку, как вдруг писк кардиографа заметно участился. На лице девушки проступил пот, а губы изогнулись в болезнен-

ной гримасе. Инженер дернула рукой, ногой, и если бы не ремни, точно перевернулась бы вместе с койкой.

– Аня? – шепнул пилот, не решаясь приближаться. – Эй, ты чего?

Давление и пульс стремительно росли. Пару секунд спустя вспыхнула оранжевая лампа, раздался пронзительный вой, и на всех дисплеях появился один и тот же текст:

Внимание!

Состояние пациента критическое.

Медперсоналу срочно прибыть в лазарет.

Едва услышав сигнал, Карина снова попыталась открыть люк. В этот раз рукоять поддалась, выпустив пленницу на волю – при тревоге замки в каютах открывались автоматически, предупреждая возможный отказ электроники. План сработал на ура, хотя женщина и не посвятила подельника во все детали, опасаясь, что тот не отважится хотя бы капельку навредить возлюбленной. Да, эффект от раствора не назвать приятным, но жизни Михальчук он точно не угрожал, в отличие от командира.

Врач решила поправить все нормы и уставы, не видя для себя иного выбора. Пока Борис у руля, их судьбы висят на волоске, ведь неизвестно, на что способен безумец лишь бы потешить эго. И пусть ее осудят, пусть проклянут, пусть обрекут на забвение, но она обязана спасти молодую космиче-

скую семью – даже если ради этого придется пожертвовать старым психопатом.

Для экономии места на складе Казарина хранила часть оборудования у себя. Нашлись тут и скальпели – обычные, металлические, на случай, если лазерный выйдет из строя. Этих блестящих красавцев она забрала из полевого госпиталя, где острейшая сталь повидала немало крови. И вдоволь напьется ею вновь, потому что время переговоров и увещеваний прошло, настал час действий.

Сжав в ладонях по ножу, медик вынырнула в коридор, по которому уже карабкался майор.

– Карина? – проговорил Борис так, словно увидел пробравшегося на борт пришельца. А когда заметил острый блеск, так и вовсе оцепенел, поняв все без лишних слов.

Не дав врагу опомниться, врач оттолкнулась ногами от переборки и полетела точно к цели, выставив руки перед собой. Морозов успел лишь неуклюже заслониться предплечьями – тоже неплохой вариант: хоть горло не достать, зато можно полоснуть по венам. Однако Казарина промахнулась, оставив глубокие, но неопасные порезы.

– Да что ты творишь?! – некогда грозный голос Морозова насквозь пронзил животный ужас.

Оттолкнув напавшую, он резво развернулся и поспешил в командный отсек, оставляя на стенках и поручнях бурые разводы. В пультовой можно запереться и при тревоге, поэтому Карина немедленно рванула следом. Один ее товарищ

– заядлый охотник – учил: подранков отпускать нельзя. Никогда.

– Что за шум? – из лазарета выглянул Титов и вздрогнул, увидев, во что превратился коридор.

– За мной! – ледяным тоном окрикнула женщина.

Люк отсека почти закрылся, и ей пришлось просунуть в щель ногу. Поначалу Борис не мог давить с достаточной силой, но затем догадался упереться в приборную панель. Нещадно топча рычаги и клавиши, навалился на створку плечом, и в голень словно впрыснули расплавленный металл. И если бы не подоспевший на выручку Титов, все закончилось бы переломом, болевым шоком и неминуемым поражением.

– Вы... с ума сошли! – хрипел враг, кроша пятками пластик.

– Может быть, – сквозь зубы процедила Казарина. – Но ты явно свихнулся первым.

– Чушь! Я ничего не делал! Не портил, не вредил, не хотел убить!

Не став тратить силы на болтовню, врач нащупала здоровой ногой скобу и с шипением налегла на люк. Вдвоем удалось перебороть противника, и едва преграда открылась, Титов налетел на командира и оттеснил за пульт.

– Успокойтесь, вы оба!

Но Морозов посчитал действия парня за агрессию, миг накинулся на него и сжал в медвежьих объятиях, так что За-

хар едва мог шелохнуться. На этом бы все и закончилось, но в схватку вмешалась соратница и вонзила один скальпель в печень, а второй – в сонную артерию. Борис захрипел и схватился за горло, но спасти его не смог бы и сам бог. Дернувшись пару раз, мужчина закатил глаза и завис над искорененной панелью в окружении крупных темно-красных шаров.

– Блин, – рыкнул Титов. – Зараза...

– Не то слово, – Казарина не могла поверить в увиденное и заворуженно смотрела на труп человека, которого знала половину жизни. – Но иначе никак. Или он – или мы.

– Да к черту вас! И тебя, и эту серую мышь! Всего-то и хотел избавиться от личинки, а теперь придется избавляться еще и от свидетелей.

– Что? – медик окончательно теряла связь с реальностью.

– А что непонятного? – пилот поймал оброненный скальпель и крутанул, как волчок. – Я просто хотел поразвлечься, а дура мало того, что залетела, так еще и собралась рожать... Может, мне бы удалось решить проблему и раньше, и проще, но тут вмешалась ты и принялась всячески поддерживать эту овцу. Вот и пришлось пошаманить с генератором, благо на терминале полно нужной инфы. Увы, девчонка не сдохла сразу, вынудив менять планы прямо на ходу. Я хотел притвориться, что не догнал ее, упустил, но в последний момент передумал. Вспомнил, что можно использовать «Пионер», чтобы поймать нас, вот и не стал подставляться. Вре-

мени-то полно, придумал бы, как извести дуреху. А теперь все пошло через задницу... Командир мертв, а миссию наверняка отменят... Если о смерти, конечно же, кто-нибудь узнает.

Он вытащил из-за пазухи зеркальный кубик не больше наперстка и улыбнулся той самой обаятельной улыбкой хищника, от которой у всех девушек кружилась голова.

– Я всего-то хотел вернуться героем, прославиться на весь мир. Но в космосе случается всякое... Пусть трое погибнут, зато один поставит флаг на Марсе. Справедливая цена за успех? Думаю, да.

– Так все это время... – Карина сжала лицо окровавленными ладонями, в полной мере осознавая, что только что произошло. – Господи...

– Короче, – убийца сжал скальпель, – давай не рыпайся. Все равно хана, так что не добавляй мне работы, а себе – мучений. Закончим все быстро. Деваться вам некуда.

Титов занес руку, и в этот миг на корме раздался мощный взрыв, а корабль резко бросило вперед. Толчок был такой силы, что торец люка перешиб Захару позвоночник и проломил основание черепа. Казарину от неминуемых травм спасло лишь то, что она оказалась меж двух мягких, не окоченевших тел. Как только сознание прояснилось, врач подлетела к пульту и прочитала надписи на треснутом экране:

Система охлаждения отключена.

Радиаторы свернуты.

3-й двигатель вышел из строя.

Утечка топлива из 6, 7 и 8 баков.

Силовая установка заглушена в аварийном режиме.

Курс изменен, требуется корректировка.

– Карина? – в отсек, щурясь и потирая лоб, влетела Михальчук. И сказала лишь два слова, прежде чем потерять сознание: – Что здесь?..

На складе нашлись и запасная панель, и прочие детали, и починить пульт удалось за пару часов. Пока Аня орудовала отвертками и лазерной пайкой, Карина паковала трупы в мешки и замывала кровь, превращая «Юниор» из скотобойни снова в космический корабль.

– Знаешь, – закончив, сказала медик, – если захочешь от него отказаться – я пойму. И хоть таблеток у нас и правда нет, состряпать аналог не проблема.

– Не захочу, – инженер утерла скулу рукавом. – Дети за отцов не отвечают. И кем бы ни был Захар на самом деле, я пойду до конца.

– Что ж, – женщина улыбнулась, чувствуя, как в груди разливается тепло. – Хвалю. Сможешь вернуть нас домой?

– Думаю, да, – дрожащие пальцы спешно застучали по клавишам. – Нейросеть сама просчитает маршрут и составит график маневров, нужно лишь правильно поставить задачу.

> Внимание, начинаю вычисления.

> С учетом поломок и утечек ориентировочное время выхода на орбиту Земли...

Карина скрестила пальцы за спиной, неотрывно наблюдая за переливающимся троеточием.

> 1 год 8 месяцев 22 дня.

– Боже... – Михальчук уронила лицо в ладони. – У нас нет столько припасов, даже на двоих... Надеюсь, в следующий раз получится лучше. Надо написать в ЦУП, чтобы не отправляли смешанные экипажи. Черт, черт, черт!

– Тише, – Казарина коснулась плеча подопечной. – Что-нибудь придумаем.

Вариантов оставалось не так уж много. И самый очевидный напрашивался в первую очередь. Раз уж назад дороги нет, надо подыскивать новый дом.

– А сколько до Марса?

Аня ввела новые данные и полминуты спустя озвучила ответ:

– Хоть один движок и сдох, за счет полученного ускорения выйдем на орбиту через семь месяцев.

– Что ж, сорок процентов притяжения всяко лучше, чем ноль.

Михальчук не сразу поняла смысл сказанного, а когда наконец дошло, уставилась на врача с таким видом, будто у той на лбу выросло щупальце.

– Вы шутите? Даже если сядем на автомате, помощь при-

дет нескоро. Китай стартовал чуть позже нас, но они вообще на электроимпульсных летят. К тому же, в модуле нет ни места, ни припасов. Родить там еще как-то можно, но жить... нет, не выйдет.

– Думаем дальше, – Карина зажмурилась и сжала переносицу.

– Ну, конечно! – Аня стукнула кулаком по многострадальной панели. – Помните того чудака, что хотел колонизировать Марс еще в двадцатых? Экспедиция делилась на два этапа. Сначала припасы и оборудование, а затем уже люди. Со вторым полетом так и не срослось, но грузы-то он доставил! И если мы сядем рядышком, если нам чуточку повезет...

– Планируй маршрут, – уверенно и без промедлений ответила медик. – Когда бета-квант зарядится, скажем нашим, что Морозов и Титов погибли при взрыве. И я сделаю так, чтобы в этой байке никто не усомнился. В лазарет пока не заходи.

– Вот так первые люди поселились на Марсе, – сказал древний старик, поправив плед на коленях.

– Ну ты и сказочник, дед, – рассмеялся мальчишка лет десяти. – Тебе бы фантастику писать. Нам в школе говорили, что все было совсем по-другому!

– Ну, – старик улыбнулся и поднял выцветшие глаза к потолку, – им виднее. Что с меня, дурака, взять? А чтобы не

вырасти таким же, надо много и прилежно учиться.

– Ладно, ладно. Намек понял, – внук встал, взял рюкзак и чмокнул влажную морщинистую щеку.

И выбежал из модуля под бледный марсианский рассвет.